

ОЦЕНОЧНАЯ МОТИВАЦИЯ СЛОВА

Д. С. СЕТАРОВ

Название того или иного объекта окружающей нас действительности бывает мотивировано одним из отличительных его признаков. Выбор признака, как правило, определяется отношением человека к обозначаемому предмету, его ролью и назначением в жизни человека. В связи с этим многие названия, выполняя номинативную функцию, содержат и имплицитную (скрытую) оценку обозначаемого. „Все слова, „пропускающиеся” через сознание, опыт человека, неизбежно оцениваются” [Сахарный, 1983, с. 94].

Наше отношение к обозначаемому объекту, его оценка в той или иной степени может выражаться деривационной структурой названия: суффиксами уменьшительности-ласкательности или презрительности и т.п. (р*ябчик*, ку*знечик*, кот*ик*, ко*суля*, са*рыч*, лы*суха*, ко*зляка*). В данной работе мы остановимся лишь на некоторых наименованиях животных, оценочная мотивация которых имеет явно выраженный характер, т. е. выражена самим лексическим значением мотиватора.

Высший отряд млекопитающих, включающий обезьян и человека, справедливо назван отрядом *приматов* < лат. *primates* „первенствующие”. Однако название одного из родов обезьян — *павианов* — имеет ярко выраженную отрицательную характеристику: нем. *Pavian* < голл. *Pavian* < фр. *babouin*, первонач. „дурак” [Фасмер, т. 3, с. 181]. Аналогичная оценка содержится и в названии серого африканского попугая, способного к звукоподражанию, *жако* < фр. *jacquot*, *jacot* „жако”, „серый попугай”. Название птицы является уменьшительно-ласкательной формой от *Jacques* „дурак” (ср. рус. выражение „попка — дурак”). Представляет интерес мотивация названия всем известного попугая *какаду* < малайск. *kakatua* < *kakau* „брат, сестра” + *tua* „старый”.

Птица семейства буревестников *глушыш* — доверчивая, малоосторожная птица. Отсюда и ее название. В. Даль приводит и другое название этой птицы — *олуша* „приморская птица глупыш” и дает его в одном словообразовательном гнезде со словом *олух* „простак, простафиля, разиня, ротозей; вялый, глуповатый, грубый, неуч” [Даль, т. 2, с. 672]. (В отличие от многих других буревестников глупыш не прячет свое гнездо, а устраивает его прямо на поверхности земли, на голой скале,

иногда даже на льду.) В современной орнитологии олуша — «птица отряда веслоногих». В некоторых языках негативную характеристику содержат название *козодоя*: узб. *тентакуш*, каз. *тентек кюс* (букв. «глупая птица»), эст. *laiskull* (букв. «ленивый ястреб»). Последнее название, по-видимому, мотивировано тем, что козодой днем обычно сидит неподвижно на горизонтальном сучке дерева или на земле [Флинт, 1968, с. 368]. Птица семейства дятлообразных, высматривающая добычу обычно сидя неподвижно высоко на дереве, получила название *ленивка*. (Ср.: *ленивец* — «млекопитающее, живущее в Южной и Центральной Америке, малоподвижное и очень медлительное».) В коми языке *вашля*, *вашлябор* является названием птицы семейства фазановых перепелов. Название возникло в результате метафоризации слова *вашлябор* «ува-лень», т. е. «неповоротливый, неуклюжий, медлительный в движениях человек». Название птицы мотивировано ее неуклюжей походкой и толстой задней частью туловища, которая при ходьбе как бы волочится по земле. Метафорическим является название *орёл-скоморох*, или *фигляр*, данное птице за замечательные воздушные акробатические упражнения, которые она проделывает в брачный период. Животные могут наделяться и другими человеческими качествами. Напр., англ. *gefalcon* «кречет», ст.-фр. *gerfaucon*, лат. *gurofalco* < др.-в.-нем. *gvrvalke*, ср.-в.-нем. *Geier* < герм. *gīr* «жадный» + роман. *falco* «сокол».

Водоплавающая птица, мясо которой непригодно в пищу, называется *поганкой*. (Ср.: *поганка* «несъедобный, поганый гриб».) В тюркских языках подобное название получил баклан: *харом карабой* (букв. «поганый баклан»). Название также мотивировано тем, что мясо баклана пахнет рыбой и малосъедобно. Птицу отряда куриных гоацин европейские поселенцы в Южной Америке называют *воинчей птицей*, так как мясо ее имеет резкий затхлый запах.

По своим вкусовым качествам названа рыба семейства карповых *цемая* < нов.-перс. *šahmāhī* (букв. «царская рыба» < *šah* «царь» и *māhī* «рыба»). Ср. название птицы отряда куриных *цесарка* < польск. *cesarka* < *cesarz* «император»).

Птица семейства журавлиных, являющаяся украшением нашей природы, получила поэтическое название *красавка*, а один из видов дроф — *дрофа-красотка*. В эстонском языке соловей и кукушка имеют метафорическое название *kuldnokk* (букв. «золотой клюв»), так как оба считаются превосходными певцами. Название комнатной собаки с большой круглой головой, укороченной мордой и плотной короткой шерстью *мопс* буквально означает «недовольная морда»: *мопс* < нем. *Mops* «моис» < н.-нем. *mops*, голл. *mops*, тор *мопс* < ср.-н.-нем. *morperen* «делать неприступное, недовольное лицо». Близкий родственник кошек, встречающийся только на Тасмании, получил название *дьявол* (тасманийский, или сумчатый, дьявол). Отгалкивающее выражение

морды, черная шерсть, зловещее рычание и кровожадность породили его имя. „Плохой репутации” дьявола, по-видимому, в большей мере способствовал его неприятный, зловещий голос, наводивший на первых колонистов панический ужас [Жизнь животных, т. 6, с. 45–46].

Свое отношение к земноводным или пресмыкающимся животным наши далекие предки выразили в их названии *gad*: др.-рус. *гадъ* „пресмыкающееся, змея”, польск. *gad* „пресмыкающееся”, чеш. *had* – то же, словац. *had* „змея”, болг. *гад* „хищный зверь”, „вошь”, макед. *гад* „земноводное, нечисть”; серб.-хорв. *гад* „гадина, мерзость”, лит. *gėda* „стыд, позор, срам”, ср.-в.-нем. *quād* „грязь, отбросы, мерзость”, др.-англ. *swed* „плохой, скверный”. Первоначальное значение слова *гад* „некто отвратительное, мерзкое”. Ср.: *гад* > *гадюка*.

Близкий мотивирующий признак лег в основу названия мелких насекомых или животных – *гнус*. Ср.: укр. *гнус* „доганя (вредоносная тварь)”, бпр. *гнюс* „мерзавец”, польск. *gnus* „гуineaдец”, чеш. *hňus* „отравнение”, словац. *hnus* „мерзость”, болг. *гнус* „отравнение”, серб.-хорв. *гнус* „грязь, отвращение”, словен. *gnus* „отравление”. Название образовано от той же основы, что и греч. *σπλαῖδ* „скоблитель”, др.-сканд. *gnā* „тереть”, швед. *gno*, *gnoggo* то же, герм. **gnū-*, восходящей к инд.-евр. корню **gnheu-* или **gnhu-* „скрести”. Семантически слово развивалось следующим образом: „то, что соскабливают” > „грязь” > „вредоносное животное или насекомое” [Шанский, 1972, с. 109]. Ср. терминологическое название комара, распространяющего малярию, *анофелес* < греч. *anophelēs* „вредный”.

Рассмотрим еще одно наименование, не имеющее общепринятой этимологии, однако, на наш взгляд, содержащее оценочную мотивацию. *Ишак* – обл. (сиб., оренб., кавк.) „осёл” [Даль, т. 2, с. 67]. Этот пример наглядно свидетельствует о том, что литературный язык может обогащаться словами первоначально ограниченного употребления. В современном русском языке областное слово *ишак* успешно конкурирует с общенародным русским словом, становясь его семантическим дублетом (толковые словари отмечают: *ишак* – то же, что *осёл*), а в отдельных случаях вытесняет общеславянское название *осёл*: „По дороге... то в одиночку, то караванами, попадались ишаки, груженные табаком” (К. Федин, „Член делегации”). О полном освоении этого тюркизма русским языком говорит наличие производных: *ишачок*, *ишачий* (ишачья тропа, ишачья работа), *ишачить* „выполнять тяжелую работу” и переносное употребление этого слова: *ишак* – (бран.) „об упрямом, глупом человеке”.

Слово *ишак* имеется почти во всех тюркских языках: др.-тюрк. *ešāk*, *ešgāk*, туркм., крым.-тат., кум., кбал., кирг., ног., ккалп. *ešek*, узб., уйг. *ešāk*, каз. *esek*, чув. *ašak*, тат., башк. *išāk*, азерб. *ešāk*, узб. диал. *ešāk*. Близость фонетических форм этого слова в тюркских язы-

как затрудняет точное установление места заимствования. Как справедливо заметил Н. К. Дмитриев, русское заимствование могло произойти на той территории, где ишак — обычное животное. Таким местом могли быть Кавказ и Средняя Азия [Дмитриев, 1958, с. 24]. В фонетическом отношении источником мог быть тот язык, где во втором слоге слышится широкое *э/ä/*, откуда возникло русское *а*. И этому требованию отвечают тюркские языки Кавказа и Средней Азии: азерб. *eşäk* и узб. *eşäk*.

В памятниках русской письменности слово впервые встречается в уменьшительной форме, образованной от слова *ишек*: „А лошадей добрых, катырей и ишечковь много” [СлРЯ XI–XVII вв., т. 6, 1979, с. 358]. Встречающееся в этом примере слово *катырь* также является тюркизмом, означающим „мул”.

Датский языковед Х. Педерсон тюрк. *eşek* возводит к армянскому *äš* „осёл” и относительно второго, формального, элемента говорит, что *äk* „весьма обычный суффикс” [Севортян, 1974, с. 317]. Немецкий тюрколог Вилли Банг на основании некоторых аналогий из латинского и греческого квалифицировал *äšäk* как производное слово, образовавшееся от тюрк. *äš* „товарищ” с помощью аффикса уменьшительности *-aq~yaq* [Севортян, 1974, с. 318].

Суффикс уменьшительности *gäk* в слове *eşäk*, *esyäk* выделяет и А. Н. Кононов. Однако в основе слова, по его мнению, лежит тюркское *ešä~eši~ici* „старейший родственник, мать, отец” (*eš + *gäk*). Со временем трехсложное слово в связи с ударением на последнем слоге стало двусложным, а согласный *š* перешел в *š*: *ešigäk* > *ešgak* > *ešgäk* [Кононов, 1963, с. 133–141].

Мы полагаем, что предпочтительней точка зрения этимологов, считающих, что название животного образовано от тюрк. *äš*. Следует обратить внимание на то, что, кроме значения „товарищ”, тюрк. *äš* имеет еще значения „спутник”, „близкий”, „опора, поддержка, надежда” и т. п. [Севортян, 1974, с. 314].

Оценка человеком животных проявляется не только в их номинации, но и в переносном употреблении этих названий. В этом отношении представляет интерес явление зооморфизма, т. е. использование названий животных для обозначения и характеристики человека. Дело в том, что зооморфизм тесно связан с другим, противоположным явлением, антропоморфизмом — перенесением присущих человеку психических свойств на явления природы или животных. Таким образом, зооморфизм и антропоморфизм — это две стороны одной медали: обозначая человека именем животного, мы тем самым оцениваем это животное, приписывая ему те или иные человеческие качества. В различных языках в явлении зооморфизма обнаруживается как типологическое сходство, так и самобытность. Напр., слово *лиса* используется для обозначения хитрого, лукавого, лживого человека не только в русском, но и в ряде

других языков: нем. der Fuchs, англ. the fox, фр. le renard, польск. lis, лит. lapė, финск. kettu. Однако в немецком языке этим словом называют также лошадь рыжей масти и рыжего человека, золотую монету и новоиспеченного студента. В русском и во многих других языках название *зайца* используют для метафорического обозначения трусливого человека: нем. der Hase, лит. žuikis, финск. jänis. Однако значение „безбилетный пассажир” у слова *заяц*, характерное для русского и английского языков (hare), в немецком отсутствует. Задиристого, запальчивого человека, забияку в русском, литовском, немецком и английском языках сравнивают с *петухом*: англ. cocky, cocksy, дерзкий, нахальный” < cock „летух”. (В английском языке слово cock „летух” может употребляться и в других переносных значениях: „вожак”, „коновод”, „кран, флюгер, курок, кубрик, сиденье летчика” и др.) Надутого, запыленного человека в русском и английском языках называют *индюком* (turkey-cock), а во французском разговорное dindon „индюк” имеет метафорическое значение „глупец”. Англичане глупого человека назовут не индюком, а *гусем*: goose „дурак”, „простак”, „портовый утюг” < goose „гусь”. Ср. рус. гусь, лит. žąsis „гусь” — „ненадежный или плутоватый человек”.

Слово *свинья* в русском языке обозначает не только животное, но и „неопрятного и морально нечистоплотного человека”, а в китайском переносное значение этого слова употребляется для названия порочного, похотливого человека. Ср. греч. kargos „свинья”, karaina „похотливая женщина”, рус. *кобель* „похотливый мужчина”.

Сравните еще некоторые переносные значения зоонимов в английском языке: saron „каплун” — перен. „евнух”, „трус”, duck „утка” — перен. „душка”, hen „журица” — перен. „домоседка” (ср. лит. višta „глуповатый человек, разиня (обычно о женщине)”, comtoiant „баклан” — перен. „обжора, жадина”, pigeon „голубь” — перен. „дурак, простак, глупец” (ср. лит. balandėlis „голубь” — перен. „безвольный, безответный или слишком простодушный, глуповатый человек”). В русском языке, напротив, название *голубя* употребляется как ласковое обращение к мужчине или женщине (*голубки*). В значении символа мира, невинности в английском языке употребляется другое, исконное название голубя dove.

Сравнивая переносное употребление названий птиц в русском и английском языках, следует отметить, что в русском языке названия птиц чаще употребляются в ласкательных значениях, а в английском — в уничижительных.

Из разобранных нами примеров видно, что „во внутренних формах слова выражается не только толкование действительности, но и ее оценка” [Виноградов, 1972, с. 21]. Оценочная мотивация, в том числе и явно выраженная, занимает достойное место в системе зоологической лексики.

DIE ABSCHÄTZUNGSMOTIVIERUNG DER BENENNUNGEN DER TIERE

D. S. S E T A R O W

Zusammenfassung

Der Artikel wurde der Abschätzungsmotivierung der Benennungen der Tiere gewidmet. Eine Reihe der Muster beweist, dass in innerer Form des Wortes nicht nur die Erläuterung der Wirklichkeit, sondern auch ihre Wertung ausgedrückt wird.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов, 1972 – Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972.
- Даль, т. 1–4 – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1956, т. 1–4.
- Дмитриев, 1958 – Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря. – Лексикографический сборник. М., 1958, вып. 3.
- Жизнь животных, т. 6 – Жизнь животных. – М.: Просвещение, 1976, т. 6.
- Кононов, 1963 – Кононов А. Н. Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1961. – ВЯ, 1963, № 2.
- Сахарный, 1983 – Сахарный Л. В. К тайнам мысли и слова. – М.: Просвещение, 1983.
- Севортян, 1974 – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974.
- СРЯ XI–XVII вв., т. 1–7 – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1975–1980, т. 1–7.
- Фасмер, т. 1–4 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1964–1973, т. 1–4.
- Шанский, вып. 1–8 – Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Изд. МГУ, 1963–1982, вып. 1–8.

Июльский педагогический институт им. К. Пре́кшаса
Кафедра современного русского языка

Декабрь, 1985